УДК 81'1(075.8)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-121-137

НЕЗАБЫТАЯ КНИГА Н. А. КОНДРАШОВА «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» (ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕТРОФИЛОЛОГИИ XX ВЕКА)

Никитин О. В.^{1,2}¹Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Петрозаводский государственный университет

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, проспект Ленина, д. 33, Российская Федерация

Аннотация. В статье даётся аналитический обзор одного из первых подробных вузовских учебников по курсу «Общее языкознание» (1972–1974 гг.), созданного профессором Н. А. Кондрашовым. Рассказывается об этапах подготовки учёного к сбору материалов и написанию этой книги, о его богатой филологической и жизненной практике, позволившей грамотно прокомментировать основные вехи из истории мировой лингвистики, начиная с эпохи древнеиндийских грамматистов и завершая дескриптивной лингвистикой в США, новые направления в языкознании второй половины XX в. и этапы развития советской науки. Впервые в рамках учебника подробно разбираются идеи Пражской лингвистической школы. В статье подчёркивается, что Н. А. Кондрашов дал компетентный анализ главных лингвистических понятий: *сущность языка; язык и мышление; внутренняя структура языка; язык и общество; язык и его развитие* и др. Обращается внимание на то, что при известном в советское время стандарте и подцензурном характере таких работ курс лекций «Общее языкознание» содержал интересные авторские находки и характеристики и в целом давал объективное представление об истории, теории и методологии языкознания.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, общее языкознание, лингвистические традиции, культура филологического труда, персонология, научная школа

THE UNFORGETTABLE BOOK BY N. A. KONDRASHOV “GENERAL LINGUISTICS” (THE RELEVANCE OF RETROPHILOLOGY OF THE XXTH CENTURY)

O. Nikitin^{1,2}¹Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Petrozavodsk State University

33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

Abstract. The article gives an analytical review of one of the first detailed University textbooks on the course “General linguistics” (1972–1974), created by Professor N. Kondrashov. It tells about the stages of preparation of the scholar to collect materials and writing this book, his rich philological and life practice, which allowed to correct description of the significant milestones in the history of world linguistics, since the era of ancient Indian grammatical tradition and completing descriptive linguistics in the United States, new directions in linguistics of the second half of the 20th century and the stages of development of Soviet science. For the first time, the textbook deals in detail with the ideas of the Prague linguistic school. The article emphasizes that N. A. Kondrashov gave a competent analysis of the main linguistic concepts: *the essence of language; language and thinking; internal structure of language; language and society; language and its development*, etc. Attention is drawn to the fact that with the well-known Soviet standard and censored nature of such works, the course of lectures “General linguistics” contained exciting author’s findings and characteristics and generally gave an objective idea of the history, theory, and methodology of linguistics.

Keywords: N. Kondrashov, General Linguistics, linguistic traditions, culture of philological work, personology, scientific school

Читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу – значит вновь увидеть старого друга.
Вольтер

Курс «Общее языкознание» вошёл в филологическое образование студентов академик Ф. Ф. Фортунатов, искавший новые пути изучения языка как системы. Этот предмет в его представлении вписывался как в традиционную компаративистику, так и в синхроническую лингвистику. Он позволял решать спорные проблемы в период смены приоритетов в научном знании конца XIX в., какими были история и социология языка, формальная грамматика, поиск механизмов трансформации фонетических, морфологических, синтаксических явлений и др. «Общее языкознание» учило выявлять законы развития языков. Следовательно, выводило на принципиально другой методологический уровень.

В дальнейшем этот курс стал ведущим в подготовке студентов филологических специальностей педагогических вузов и классических университетов. Энциклопедизм и «взрывные» идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, семасиологические труды М. М. Покровского, компаративистика и синтаксические находки А. А. Шахматова, фонетические эксперименты Л. В. Щербы, востоковедческие и социологические штудии Е. Д. Поливанова... и почти «ритуальные» декларации стадийного развития языка во времена главенства Н. Я. Марра и первых советских учебников и трудов академика И. И. Мещанинова [12], Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова [25] – такие неоднородные события сопровождали развитие этой дисциплины в первой половине XX века.

Когда Н. А. Кондрашов учился в МГУ, он был свидетелем многих интересных и подчас трагических событий, так или иначе связанных со скитальческим путём отечественной филологической науки, над которой нависал меч идеологии. Как раз в 1948–1949 гг. марристами была организована бурная кампания по дискредитации компаративистики и славистики. Снова на долгое время начались гонения на извест-

ных в ту пору учёных – В. В. Виноградова, М. Н. Петерсона. Учебники по введению в языкознание Н. С. Чемоданова и Р. О. Шор [25] (1945), А. А. Реформатского [20] (1947) были подвергнуты жёсткой критике как «немарксистские», не разделявшие марровскую трактовку проблем взаимосвязи языка, мышления и общества. Очередные «кампании» конца 1940-х не прибавляли оптимизма истинным филологам – носителям исторической правды науки, наследникам традиций академика Ф. Ф. Фортунатова. Эта непростая атмосфера хорошо показана А. А. Реформатским метафорическим едким языком с его неподражаемой стилистикой в письме к Б. В. Томашевскому: «Мой ближайший сотрудник по лит<ературному> ин<ститу>ту Виктор Левин (ученик Г. О. [Винокура], Д[.]Н[.] [Ушакова], Р. Ив. [Аванесова], П. Савв. [Кузнецова] и мой), умница и талант + благородное сердце за “защиту Виноградова и Реформатского” [...]. У меня ½ кафедры! На меня “жмут”! Грозят повесить [...].

Последнее: на концерте Рихтера встречаюсь с ВВВ¹ – он весел! Знакомит с каким-то доктором. “Вот, – говорит, – полечился у него. Он у Корнелия Зелинского²”. Я (в ответ): “К. Зелинского лечить просто: дать яду и всё... А нам трудно; Ваш друг лёгочник, а нам надо лечиться от сердечных болезней – мы больны сердюченцей³”⁴.

¹ Упоминается Виктор Владимирович Виноградов (1894/95–1969) – академик АН СССР, крупный филолог и организатор науки, в конце 1940-х годов подвергшийся опале и критике со стороны марристов (лишился поста декана филологического факультета МГУ).

² Очевидно, имеется в виду литературовед, критик и общественный деятель К. Л. Зелинский (1896–1970).

³ Речь идёт об известном в 1930–1950-х гг. лингвисте Г. П. Сердюченко (1904–1965), принимавшем активное участие в борьбе «за чистоту марризма» и громившем в конце 1940-х – начале 1950-х гг. «космополитов» в языкознании.

⁴ См.: Отдел рукописей Российской государствен-

Таким образом, на социокультурном поле науки общее языкознание занимало едва ли не ведущее положение не только по его роли в подготовке филологических кадров, но и в стратегии развития гуманитарной идеологии в целом.

Н. А. Кондрашов подходил к такому важному курсу не сразу, но весь его путь в науке показывал, насколько серьёзно он готовился к решению актуальных задач общей лингвистики (см. подробнее: [15]). Начав с изучения западнославянских языков, их истории и фактов борьбы за независимость, он невольно оказался у основания славистики, влюбился в летописные страницы этой науки, а её персоны: О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, П. Шафарик, Л. Штур и др. – стали для него на долгие годы ориентирами в научных поисках и погрузили в забытые дискуссии. Н. А. Кондрашов штудировал их работы, жадно листал журналы и газеты XVIII–XIX вв., разыскивал документальные свидетельства о судьбах учёных и их трудах в архивах и вообще питал слабость к «лингвопортретистике». За каждым именем он видел яркую, характерную личность с её слабостями и порывами, духовными взлётами и падениями. Таким образом, славистика для Н. А. Кондрашова была *живой наукой*.

Он решал противоречивые проблемы независимости словацкого литературного языка, впитывал идеи Пражского лингвистического кружка и старался приложить их к современным трактовкам языковых фактов, обосновывал необходимость углублённого изучения истории науки в вузовской практике, открывая забытые имена, участвовал в дискуссиях по вопросам изучения славянских языков – всё интересовало учёного. Он сумел захватить и сохранить в памяти ключевые события в мире лингвистики и быть там далеко не рядовым исследователем. Это и учёба в МИФЛИ, где Н. А. Кондрашов успел вжиться в атмосферу дореволюционной

филологии, слушая лекции Н. К. Гудзия, А. М. Селищева, С. И. Соболевского, Д. Н. Ушакова. Затем последний натиск марристов и очередной виток борьбы с «формалистами» и «космополитами» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. – он был свидетелем и этих печальных фактов в биографии советской науки. Чуть позже сталинская дискуссия о языке и участие молодого слависта в организации и деятельности в составе первой редколлегии журнала «Вопросы языкознания». А ещё международные съезды славистов и конгрессы, начиная с конца 1950-х гг., преподавание в МГУ в кругу исключительных личностей филологов разных поколений, знакомство и общение с русскими эмигрантами во время командировок в славянские страны, сотрудничество с ведущими учёными Западной Европы... Эти жизненные обстоятельства постепенно сформировали его неординарную натуру: резковатую, но честную и придирчивую, благодарную, открытую свежим идеям. А главное – сделали его учёным высочайшей квалификации, профессионально разбиравшимся в сложных проблемах *разных наук*: философии, истории и типологии языков, компаративистики и этимологии, социо- и этнолингвистики, лексикологии и лексикографии, источниковедении и т. д.

Н. А. Кондрашов стал известен как летописец языкознания после первых монографий об О. М. Бодянском и Р. Ф. Брандте (см. подробнее: [15]), а подготовленный им сборник статей основателей Пражской школы [19], впервые ознакомивший советских учёных с «буржуазными» идеями структуралистов-экспериментаторов, лишь упрочил это почётное звание. «Книга в лицах» воскресила настоящую науку 1920–1930-х гг. и всколыхнула устоявшийся быт наших языковедов конца 1960-х гг. концепциями, которые определяли стратегию лингвистики в XX столетии. Бурлившая в 1920–1930-х гг. в Европе славистическая мысль заставляла по-иному смотреть на традиционную теорию и историю языкознания, переворачивала привычную методологию фонологии, синтаксиса, стилисти-

ной библиотеки. Ф. 645. Томашевский Борис Викторович (1890–1957). Картон 38. Ед. хр. № 60. Лл. 21–22.

Обложка книги «Пражский лингвистический кружок» (Москва, 1967)

ки и структурализма, гонимого в СССР в те годы. Чем не «сюжеты» для настоящей книги по общему языкознанию?..

Поездки Н. А. Кондрашова в тогда единую Чехословакию, в Польшу, неформальные беседы с ведущими славистами тех стран, совместные проекты – всё это погружало его в атмосферу настоящей научной деятельности. Он знал таких корифеев филологии, как П. Г. Богатырёв, В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников, Р. О. Якобсон... Находясь в заграничных командировках, Н. А. Кондрашов впитывал запретные идеи, из первых уст слышал рассказы о жизни учёных, об их непростых судьбах в эмиграции и послевоенном устройстве. А. В. Исаченко, Л. В. Копецкий были теми именами первой волны русского рассеяния, которые не потерялись в перипетиях жестокого отбора и сохранили верность своей профессии. Наверное, в беседах с Р. О. Якобсоном и его чехословацкими друзьями не раз звучало имя князя Н. С. Трубецкого (1890–1938) – легендарной, загадочной фигуры, одного из основоположников «евразийства», первого фонолога Европы, историка культуры,

финноугроведа, этнографа и вообще человека исключительных способностей – мужественного, благородного, в науке бескомпромиссного и бесконечно преданного Логосу. Тогда его имя было закрыто для наших читателей.

Но если европейскую лингвистику Н. А. Кондрашов узнавал по рассказам очевидцев и книгам, то всё, что происходило у нас, он видел своими глазами, работая вместе с С. Б. Бернштейном и В. В. Виноградовым, другими незаурядными личностями в МГУ. На фотографии 1954 г.¹ среди лекторов и выпускников курсов преподавателей по подготовке языковедческих дисциплин вузов, проходивших в МГУ, портрет Н. А. Кондрашова находился рядом с Д. Э. Розенталем, С. А. Копорским, Т. П. Ломтевым, Н. С. Пospelовым, Н. С. Чемодановым, В. К. Чичаговым и молодыми тогда К. В. Горшковой, В. В. Ивановым и Н. М. Шанским.

Работа в качестве редактора-слависта Отдела критики и библиографии журнала «Вопросы языкознания» (см. также: [15]) вместе с О. С. Ахмановой, С. Г. Бархударовым, Н. А. Баскаковым, Е. А. Бокарёвым, академиком В. В. Виноградовым, Р. А. Будаговым, В. П. Григорьевым, А. И. Ефимовым, Н. И. Конрадом, В. Г. Орловой, Г. Д. Санжеевым, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведовой и др. могла составить отдельную документальную эпопею советской и мировой лингвистики. В «Вопросах языкознания» тогда печатались все известные учёные (В. И. Абаев, Р. И. Аванесов, Н. А. Баскаков, В. В. Виноградов, Б. В. Горнунг, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, П. С. Кузнецов, Т. П. Ломтев, И. А. Осовецкий, А. А. Реформатский, Б. А. Серебренников, А. И. Смирницкий, М. И. Стеблин-Каменский, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова, В. Ф. Шишмарёв и др.), начали публиковать забытые архивы, происходили жаркие дискуссии по истории русского литературного языка, стилистике, диалектологии, синтаксису, «этнографиче-

¹ Опубликовано в статье Т. А. Бобровой в настоящем выпуске.

Редколлегия:

*С. Г. Бархударов, Н. А. Васяков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии),
Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора),
В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Редколлегия первого номера журнала «Вопросы языкознания» (1952. № 1. С. 192), в составе которой обозначена фамилия Н. А. Кондрашова

ской лингвистике» Э. Сепира, обсуждались живые научно-педагогические проблемы (например, история языка и история общества; о создании однотомного толкового словаря русского языка; постановка курса «Введение в языкознание в национальных вузах СССР» и др.), рецензировались интересные книги, предоставлялась возможность выступать со статьями и заметками на актуальные темы и коллегам-славистам В. Дорошевскому, Фр. Травничеку...¹. Перечень этих и других равновеликих имён повторялся из номера в номер, превращая лингвистический журнал в трибуну мысли. Здесь часто печатались обзоры, обсуждалась новая литература, готовились заметки из серии «Изучение русского языка в Чехословакии за последние десять лет» [4] (указанный материал даётся анонимно от редакции, но, очевидно, его готовил Н. А. Кондрашов). Даже если взять в руки этот небольшой текст, то становится ясно, насколько педантично, серьёзно и профессионально подходил Николай Андреевич к таким, казалось бы, «проходным» работам: десятки имён, а с ними столько же изученных изданий, ссылки на новые передовые разработки, краткие информативные резюме – целая энциклопедия славистической мысли!

Таким образом, в течение более чем тридцати лет, с конца 1930-х гг., Н. А. Кондрашов находился в центре истории творимой фило-

логической науки, которая, и это стало очевидным уже в 1950-е гг., нуждалась в обновлении и пересмотре ряда позиций. Имевшиеся к тому времени пособия по истории языкознания В. Томсена [21], опубликованное в 1938 г., и Я. В. Лои [11], выпущенное в 1968 г.² с подзаголовком «Материалы к курсу лекций», хотя и были написаны авторитетными учёными, но всё же требовали более чётких, соответствующих программе вуза границ и включения новых данных. К слову сказать, небольшая книжка датского языковеда В. Томсона доводила изложение этой науки только до конца XIX в., и в «Послесловии» к ней редактор издания Р. О. Шор поместила свой «Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в.» [21, с. 109–153], дополнив летопись языкознания интересными находками и сопоставлениями, но притянув их в ряде случаев к марксистской идеологии. В заключении очерка Р. О. Шор говорилось о «коренном пересмотре» основных проблем языкознания академиком Н. Я. Марром, публиковался его портрет [21, с. 151] и делался обычный для того времени вывод о «братстве свободных народов» в эпоху расцвета «национальных культур и языков» [21, с. 153]. Но всё же на классика В. Томсена Н. А. Кондрашов не раз ссылается в своей книге.

Эти пособия, как бы ни были компетентны их авторы, не учитывали новые тенденции в языкознании второй полови-

¹ См. подробнее электронную подборку всех номеров журнала «Вопросы языкознания» здесь: Архив выпусков [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания : [сайт]. URL: <http://vja.ruslang.ru/ru/archive> (дата обращения: 30.10.2019).

² Ранее книга Я. В. Лои вышла в Риге на латышском языке (см. упоминание об этом в письме к С. И. Ожегову [Архив Российской академии наук. Ф. 1516. Ожегов Сергей Иванович. Оп. 2. Переписка Ожегова С. И. Ед. хр. № 94. Л. 5]).

Титульный лист книги В. Томсена «История языковедения до конца XIX века» (Москва, 1938)

ны XIX в., ретушировали сложные проблемы и никак не касались свежих фактов и открытий¹. Между тем уже в 1964–1965 гг. вышло третье, дополненное издание известной хрестоматии В. А. Звегинцева «История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях» [1; 2], куда включены ранее не переводившиеся на русский язык труды классиков мировой лингвистики, опубликованы избранные труды Н. С. Трубецкого [22] и Е. Д. Поливанова [18], с 1960 г. стала выходить серия «Новое в лингвистике» (позднее – «Новое в зарубежной лингвистике»), наконец, издание сборника «Пражский лингвистический кружок» [19], инициированное Н. А. Кондрашовым, и другие события в науке требовали пересмотра с новых позиций проблем общего языкознания.

Примечательно, что в 1970–1980-е гг. Н. А. Кондрашов обсуждал идею обновлённого издания своей книги вместе с

профессором А. Т. Хроленко (см. об этом подробнее статью последнего, помещённую в настоящем выпуске) и делился соображениями по поводу подготовки программы по этой дисциплине, которая вскоре и вышла в свет [10]. В частности, Н. А. Кондрашов писал своему коллеге в середине 1980-х гг.: «Наверное, в программе нужны какие-то выделения, нужно оснастить библиографию работами типа *Онтология языка как общественного явления*. Не знаю, стоит ли весьма спорную книжку Б. Серебренникова (см.: [17]) возводить на пьедестал. В целом, кроме прибавления, нужно что-то исключить» (из личного архива А. Т. Хроленко).

Структура курса «Общее языкознание», как видно из опубликованных Н. А. Кондрашовым двух частей [8; 9], предполагала вначале изучение истории языкознания (часть I), а затем общей проблематики этой науки и методов исследования языка (часть II).

Часть I состоит из разделов, расположенных по хронологии и тематически связанных: «Языкознание в древней Индии», «Языкознание в древней Греции и Риме», «Языкознание средних веков и эпохи Возрождения», «Возникновение сравнительно-исторического языкознания», «Возникновение общего языкознания (концепция языка В. Гумбольдта)», «Развитие сравнительно-исторического языкознания и натуралистическое направление (А. Шлейхер)», «Младограмматическое направление», «Русское языкознание второй половины XIX в.», «Критика младограмматизма. Поиски новых путей», «Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра», «Пражская лингвистическая школа», «Глоссемантика (датский структурализм)», «Дескриптивная лингвистика в США», «Другие направления современного языкознания», «Развитие советского языкознания».

Остановимся более подробно на обзоре особенностей этой части. На наш взгляд, описание развития языкознания в древний период выглядело более традиционно, особенно древнеиндийская традиция. Автор

¹ Ср. высказывание Н. А. Кондрашова о книге Я. В. Лои [11]: «В ней мало отражено движение общелингвистических идей» [7, с. 7].

указал основные черты начального этапа и дал краткие сведения о достижениях индийцев, назвал наиболее значимые имена. Н. А. Кондрашов интересовал, в первую очередь, тот виток развития науки, когда догадки и религиозные философии переходили в стройные теории и построение исторического здания языка. Безусловно, его основание находилось в «потёмках» времени, но оно ожило и взорвало мировую филологию в конце XVIII столетия.

Период средневекового языкознания и эпохи Возрождения представлен более подробно с включением интересных сведений, например, о «Сравнительных словарях всех языков и наречий» П. Палласа [8, с. 23]. Здесь же рассказывается об интерлингвистике и более подробно – о языке эсперанто как удачном опыте реализации рационалистических идей прежнего времени [8, с. 25–26].

Небольшой подраздел посвящён развитию языкознания в славянских странах, где пунктиром даются имена и труды филологов, названия грамматик и словарей, в том числе и оригинальных экспериментов по созданию межславянского языка Ю. Крижанича, и сведения о первой грамматике русского языка В. Лудольфа [8, с. 30–31]. Несколько абзацев автор посвятил описанию достижений зарубежных славистов, из них более подробно сказал о Й. Добровском [8, с. 33–34].

В разделе «Возникновение сравнительно-исторического языкознания» освещалась деятельность Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма (именно в такой последовательности). В некоторых местах заметно авторское отношение к личности учёного. Так, об академике А. Х. Востокове Н. А. Кондрашов написал, что он «был интересным поэтом» [8, с. 41], а его «Рассуждению...» справедливо присвоил «эпохальное значение» [8, с. 41].

Говоря о концепции языка В. Гумбольдта, автор книги говорил, что тот предвосхитил «последующее разграничение диахронии и синхронии» [8, с. 46]. В своём обзоре Н. А. Кондрашов указал на творческий дар великого философа-лингвиста: «Гумбольдт

живо чувствовал особый характер каждого языка и был способен быстро отмечать его особенности» [8, с. 47]. Подчёркивается интерес немецкого учёного к «законам духа, к звуковой стороне языка и его коммуникативной функции. Говорится о том, что в «языке ... фиксируется определённое мировоззрение» [8, с. 48]. Фигура этого мыслителя подаётся в дискуссионном плане: обозначаются противоречия в его идеях, они соотносятся с похожими размышлениями у его последователей – А. А. Потебни, А. Шлейхера и др. И в то же время Н. А. Кондрашов преподносил В. Гумбольдта как феномен в истории языкознания, показывал его роль в основании многих современных направлений в этой науке, например, этнолингвистики и когнитивистики [8, с. 51].

Крупный раздел в книге посвящён обзору младограмматического направления. «Это шутовское название [*Jungrammatiker*] подхватил Бругман ... В основе его лежал молодой задор, с которым представители нового направления нападали на взгляды старшего поколения языковедов» [8, с. 68], – так в нескольких фразах Н. А. Кондрашов пояснял суть одной из ключевых традиций в истории лингвистической науки XIX в. Он подробно разобрал теоретические основы младограмматиков, прокомментировав выдвигавшиеся ими положения о фонетических законах, роль аналогии в языке и задачу изучать современные живые языки [8, с. 69]. Его тезисы свидетельствовали о том, что младограмматики в своих поисках и экспериментах заглядывали в будущее науки, выступая против «праиндоевропейского тумана», когда «заявляли, что до них языкознание слишком много занималось языком и слишком мало человеком, как будто язык существует самостоятельно, отдельно от человека» [8, с. 71]. Н. А. Кондрашов отдельно говорил о достижениях младограмматиков и недостатках в их учении, о влиянии взглядов А. Шлейхера на их идеи и т. д.

Объёмный раздел представлял картину развития идей в русском языкознании второй половины XIX в. (к сожалению,

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Общее языкознание (Курс лекций). Часть I. История языкознания» (Москва, 1972)

XVIII в. был показан более или менее подробно только на примере филологических трудов М. В. Ломоносова [8, с. 31]¹. Прежде всего автор книги рассматривал грамматические взгляды Ф. И. Буслаева и А. А. Потебни. Из трудов первого он особенно выделил книгу «О преподавании отечественного языка», в которой, по мнению Н. А. Кондрашова, «впервые была показана связь истории русского языка с историей русского народа» [8, с. 80–81]. Указывая на противоречия в логико-грамматических рассуждениях Ф. И. Буслаева, учёный тем не менее превозносил его как

тонкого мыслителя и оригинального исследователя.

Вечная книга А. А. Потебни «Мысль и язык» интересна тем, что в ней соединялись несколько плоскостей филологического эксперимента: её автор изучал психологические основы языкового творчества в связи с семасиологией и эволюцией человеческого мышления [8, с. 83]. В этой части подробно рассматривался главный лингвистический труд А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», высокий научный смысл которого не был до конца понят современниками талантливого харьковчанина. «Поэтому значение трудов Потебни, – резюмировал Н. А. Кондрашов, – росло по мере теоретических поисков в области русского языкознания. Многие выводы и положения Потебни сохраняют свою ценность и в настоящее время» [8, с. 86].

Затем Н. А. Кондрашов перешёл к обзору идей Московской и Казанской лингвистических школ, начав его с такого правильного по сути и торжественного суждения Л. В. Щербы: «В старой России было три замечательных лингвиста-теоретика: А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов, которые были вождями лингвистической мысли у себя на родине, но в силу внешних обстоятельств не стали вождями мировой науки о языке» [8, с. 87]. Даже в кратком, но информативном обзоре Н. А. Кондрашов находил место для ознакомления читателей с редкими фактами из биографии учёных. Об И. А. Бодуэне де Куртенэ он написал так: «Бодуэн не был кабинетным учёным: он всегда выступал против несправедливости. За издание брошюры “Национальный и территориальный признак в автономии” (1913), направленной на защиту права самоопределения всех народов царской России и расценённой как “призыв к мятежу”, он был приговорён к двум годам заключения в крепости. Только после протестов русской интеллигенции во главе с А. А. Шахматовым его выпустили из тюрьмы» [8, с. 92].

Интересны и последующие разделы книги «Общее языкознание»: описание со-

¹ О В. Н. Татищеве Н. А. Кондрашов выпустил отдельную брошюру только в 1985 г. (см. подробнее: [15]). Ср. в этом отношении интересные находки в работах его предшественника – В. Е. Адогурова, грамматика которого, в противоположность предыдущим компилятивным трудам, описывала строй родного языка (см. об этом: [16, с. 104–110]). Но ко времени издания учебника Н. А. Кондрашова она была практически неизвестна и находилась в рукописном виде.

циологического направления, идей лингвистической географии (ср. архивные публикации: [14, с. 91–102]), упоминание «союза языков» Н. С. Трубецкого и идеалистических взглядов лингвистов начала XX века (см. подробнее: [5, с. 99–104]).

Н. А. Кондрашов подробно разбирал концепцию Фердинанда де Соссюра, назвав его одним из «выдающихся языковедов» [5, с. 104], указал, что её некоторые положения «послужили теоретической базой для различных направлений наиболее влиятельного в настоящее время лингвистического направления в зарубежном языкознании – структурализма» [5, с. 109–110].

Самый большой раздел в первой части книги – «Пражская лингвистическая школа». И это неудивительно: Н. А. Кондрашов был долгие годы связан профессиональными отношениями с «пражцами», отлично знал историографию культуры и науки западных славян, его можно назвать первым пропагандистом их традиций в СССР. Ко времени подготовки учебника (конец 1960-х–начало 1970-х гг.) были обнародованы новые факты из летописи *Cercle linguistique de Prague*. Их-то в первую очередь и привлёк к обзору учёный (см.: [5, с. 110 и далее]). Он обстоятельно разобрал теоретические положения Пражской школы, говорил о рецепции идей Ф. де Соссюра, подчёркивал вклад лингвистов в изучение природы знаковости языка, цитировал и анализировал работы Й. Вахека, С. О. Карцевского, В. Матезиуса, В. Скалички, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и мн. др. Отдельным пунктом в обзоре стояла исследовательская работа пражских лингвистов в области теории и практики структурной грамматики [5, с. 116–120] и истории литературного языка. В представленном виде этот очерк о «пражцах», включённый в «Общее языкознание», пусть и адаптированный для студенческой аудитории, был лучшим из имевшихся тогда аналитических обзоров (см., например, отдельный очерк о В. Матезиусе: [3]). Его писал талантливый лингвист, честно, со знанием дела, с критическими оцен-

ками и полемикой, живо и по-человечески сочувственно.

Заключительные разделы I части книги посвящены рассказам о датском и американском структурализме – актуальных для второй половины XX в. направлениях, занимавших ведущие позиции в мировой лингвистической науке, и краткому обзору идей советского этапа развития языкознания. При том, что Н. А. Кондрашов не очень симпатизировал «буржуям» (как он их в шутку называл на лекциях), его обзоры всегда корректны, а формулировки чёткие и доказательные, с привлечением источников, интересными примерами и сопоставлениями. В целом он дал объективную оценку развития идей зарубежного языкознания. Финальный абзац тоже показателен для автора учебника, не упускавшего возможности пошутить над каким-то жизненным «сюжетом» или привести занимательную историю в общении со студентами. Здесь концовка выглядела следующим образом: «Под влиянием философии неопозитивизма и прагматизма они [дескриптивисты] оценивают обычно каждый метод только с точки зрения простоты, удобства и внутренней непротиворечивости описания. Подобный подход к лингвистическому описанию получил ироническое название *hocus-rocus approach* – “подход фокусника”, для которого важна не практическая ценность теории и её соответствие действительности, а её красота и логичность. Много элементов такого подхода можно обнаружить и в предлагаемых схемах допустимых трансформаций и построениях порождающих грамматик» [8, с. 141].

Естественно, что в историографической части курса нельзя было пройти мимо и современных для того времени направлений, к которым Н. А. Кондрашов относил этнолингвистику, неогумбольдтианство, разработки типологического изучения языков и лингвистических универсалий, применение точных методов в прикладном языкознании, актуальные теории в области компаративистики.

Во многих разделах первой части Н. А. Кондрашов приводил цитаты и

ссылки на оригинальные и переводные работы Ф. Боаса, Б. Гавранека, Г. Глисона, Л. Блумфилда, М. Комарека, А. Мартине, А. Мейе, Э. Сепира, Ф. де Соссюра, Р. О. Якобсона, используя доступные к тому времени издания и редкие материалы из своей библиотеки (особенно когда он описывал традицию Пражского лингвистического кружка). Кроме того, использовались и другие книги (приведём их без ссылок пунктиром): В. А. Звегинцев «История арабского языкознания. Краткий очерк» (1958); П. С. Кузнецов «У истоков русской грамматической мысли» (1958); «Русская грамматика Лудольфа» (1937); «Полное собрание сочинений» М. В. Ломоносова, Т. 7. (1952); И. В. Ягич «История славянской филологии» (1910); Е. И. Шендельс «Связь языкознания с другими науками» (1962); А. А. Потемня «Мысль и язык» (1913); О. Шрадер «Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индоевропейской древности» (1886); Г. Пауль «Принципы истории языка» (1960); Ю. Д. Апресян «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966) и др.

Завершается первая часть книги обзором развития советского языкознания. Конечно, учёный не мог в то время писать откровенно о событиях 1930–1940-х гг., но всё же показал неоднозначность ситуации в науке, когда рассматривал взгляды «воинственных и шумных групп» вроде «Языкофронт» или формалистических тенденций в лингвистике [8, с. 158].

Вузовский курс «Общее языкознание» не мог вместить в себя все интересы Н. А. Кондрашова, но его предпочтения и симпатии к своим героям (а учёные для Николая Андреевича никогда не были обесцвечены), безусловно, скрыто присутствовали между строк официального учебного текста, когда автор высказывался о личностях, их взглядах и открытиях. Он умел видеть главное в облике лингвиста: будь то его человеческий портрет или научный подвиг. Эти категории были для Н. А. Кондрашова неразделимы. Так,

например, говоря о значении трудов академика Л. В. Щербы, Н. А. Кондрашов подчёркивал важность эксперимента, исследования нового материала: «В 1907–1908 гг. Щерба, по совету Бодуэна, изучает мужаковский диалект лужицкого языка в Германии. Затерянный славянский диалект крестьян в немецком языковом окружении важен был для разработки теории смешения языков и языковых контактов. Щерба вообще поставил целью изучить всесторонне живой, совершенно неизвестный ему язык, чтобы не навязывать языку каких-либо предвзятых категорий, не укладывать строй языка в готовые схемы, почерпнутые из вторых рук или печатных пособий» [8, с. 159].

Характеризуя грамматические работы А. М. Пешковского, Н. А. Кондрашов писал, что они «отличаются богатством привлечённого материала, оригинальностью мысли и тонкостью лингвистического анализа» [8, с. 161].

О Д. Н. Ушакове, своём мифлийском учителе, Николай Андреевич сказал так: «...прекрасный преподаватель, знаток русского языка и учёный, умевший излагать самые сложные положения простым и лаконичным языком. Его “Краткое введение в науку о языке”, то есть введение в языкознание, является образцовым в указанном отношении» [8, с. 162].

Г. О. Винокура Н. А. Кондрашов назвал «филологом в подлинном значении этого слова. Он объединил в своём творчестве задачи лингвистики и литературоведения» [8, с. 162].

Аккуратный рассказ о репрессированном Е. Д. Поливанове, трагическая судьба которого только в 1960-х гг. стала известна широкой научной общественности, он сопровождал честными, корректными словами о том, что «ему [Поливанову] чуждо было нигилистическое и резко отрицательное отношение к научному наследию, свойственное Н. Я. Марру» [8, с. 163]. И далее автор книги писал: «Поливанов выступал против попыток объяснить фонетические и грамматические явления непосредственным воздействием социаль-

но-экономических факторов. Однако влияние этих факторов на историю языка он видел в другой сфере – в возможности или невозможности определённого явления, в дифференциации и интеграции общества» [8, с. 164].

Критикуя академика Н. Я. Марра за «классовость» языка и его отождествление с «идеологической надстройкой», за стадиальную теорию развития языка, Н. А. Кондрашов резюмировал: «Ясно, что Марр игнорировал и фонетические законы, и морфологические различия между языками. Единственным прибежищем оставалась семантика (значение) слов, в которой он и пытался найти доказательство стадиальных трансформаций и наслоения различных идеологий» [8, с. 166–167]. И ещё одна важная деталь интересна в этой связи в книге Н. А. Кондрашова: он отлично знал европейскую лингвистическую традицию и мог найти те связи и влияния, которые не видны были рядовому лингвисту, трактовавшему события марризма только в одной плоскости. Неоднозначность противоречивой фигуры главы советского языкознания 1920–1930-х гг., по мнению автора учебника, выражалась и в том, что «при всей враждебности к зарубежному языкознанию, которую проявлял Марр, объективности ради следует отметить, что многие элементы своих теорий он заимствовал именно на Западе. Некоторые его положения созвучны взглядам А. Тромбетти (единство языкотворческого процесса), Г. Шухардта (роль языкового смешения), Г. Асколи (роль субстрата), Л. Леви-Брюля (трактовка первобытного мышления)» [8, с. 167].

Из наиболее значительных по научным достижениям учёных второй половины XX в. Н. А. Кондрашов выделял двух филологов – В. В. Виноградова и В. М. Жирмунского. Первого, как мы уже сказали, он знал довольно близко и высказался о нём тепло и уважительно, почти с трепетом. Непривычно читать в официальном пособии такие строки о В. В. Виноградове: «Он знал и любил русский язык и его историю так, как мало кто их знает и любит»

[8, с. 168]; «Бесподобное знание русского языка и языка многих писателей по необходимости привело В. В. Виноградова к лексикографической работе» [8, с. 169]; «Его заметки по истории русских слов и фразеологизмов свидетельствуют о прекрасном знании эпохи – культурно-исторических, литературных, социально-бытовых явлениях» [8, с. 169]. Наконец, приведём вот это, скорее всего совсем личное, наблюдение Н. А. Кондрашова: «В. В. Виноградов ценил научное наследие русских языковедов, виднейшим представителям русской грамматической науки он посвятил множество статей и исследований. Оберегая наследство, он много сил отдавал подготовке молодых исследовательских кадров, будучи строгим и взыскательным учителем» [8, с. 169].

Называя В. М. Жирмунского крупнейшим германистом, Н. А. Кондрашов добавил, что «в значительной степени благодаря его деятельности советская германистика приобрела мировое признание» [8, с. 169]. Николай Андреевич также выделил вклад В. М. Жирмунского в новую область языкознания: «Он одним из первых в нашей стране занялся социолингвистической проблематикой» [8, с. 169].

При чтении первой части книги Н. А. Кондрашова возникает ощущение, что автор хотел рассказать не только о том, что надо, но и о том, что он любил, понимал и ценил. Такое созвездие имён и трудов выдающихся лингвистов (Шрадер, Бенфей, Мюллер, Курциус, Диц, Юнгман, Линде, Караджич, Бодянский, Срезневский, Григорович...), казалось бы, просто не уместить на страницах типового учебника, особенно когда Николай Андреевич рассказывал о компаративистике XIX века. А ещё боготворимая им Пражская лингвистическая школа – островок свежей мысли посреди устоявшихся взглядов официальной филологии 1960–1970-х гг. в СССР. Для настоящего слависта это были не просто имена, а вехи в истории науки. Он учил нас теории языкознания на подлинных традициях самых ярких личностей в филологии духа того времени.

Конечно, он не мог обойтись и без проходных разделов вроде «К. Маркс и Ф. Энгельс о проблемах языкознания», но и они теперь представляются бесполезными. Вряд ли кто из современных читателей может себе представить, что идеологи социализма были отличными компаративистами и обожали изучение языков. Ф. Энгельс, например, специально читал труды славянских учёных Й. Добровского, П. Шафарика, В. Ганки, Ф. Миклошича, выработав свой подход к обучению языков: «Вот какого метода я всегда придерживаюсь при изучении какого-либо языка: не заниматься грамматикой (за исключением склонений и спряжений, а также местоимений), а читать со словарём самые трудные произведения классического автора, какие только можно найти. Так итальянский я начал с Данте, Петрарки и Ариосто, испанский – с Сервантеса и Кальдерона, русский – с Пушкина; затем я читал газеты и прочее» [8, с. 67]. Вот что ещё процитировал Н. А. Кондрашов из Ф. Энгельса в связи с интересом последнего к лингвистике: «Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости» [8, с. 65].

Скажем, может быть, не так подробно и о второй части учебника Н. А. Кондрашова «Проблемы языкознания и методы изучения языка» [9]. Она включала такие разделы: «Предмет общего языкознания», «Сущность языка», «Язык и мышление», «Внутренняя структура языка», «Язык и общество», «Язык и его развитие», «Методы изучения языка».

В начале книги автор традиционно излагал содержание предмета и его отличие от частных лингвистических курсов, говорил о связи с другими науками. Так, отмечая сближение психологии с языкознанием, он приводил следующие примеры: «Даже для наименования предметов по характерному признаку имеет психологическое происхождение: ср. слово *смородина* от признака *сморд* (*смород*), означающее первоначально, вероятно, “пахучее”; слово *пол* от *половины* (расколотого дерева), отсюда *половица* как часть

пола и т. д.». [9, с. 13]. Показательны случаи языкового родства в топонимах типа *Саратов* (от *сара-тау* «жёлтая гора») или *Дрезден* – от славянского *дрягва* «болото» [9, с. 17]. Интересно сейчас читаются excursus в теорию информации и рассказ о роли машинного перевода в лингвистических исследованиях [9, с. 19–21] – настоящая ретрофилология, а ведь прошло всего 40 лет! Прозвучала даже и семиотика [9, с. 21], не воспринимавшаяся советской лингвистикой как серьёзная наука.

В разделе «Сущность языка» читатель мог ознакомиться с многочисленными определениями этого понятия, принадлежавшими разным школам. Среди имён – Штейнталь, Потенбня, Фортунатов, Бодуэн де Куртенэ, Кроче, де Соссюр, Фосслер, Мейе, Вандриес, Пизани, Ельмслев. Автор обратил внимание на неравноценность трактовки языка [9, с. 25] и в духе принятой идеологии свёл обсуждение к «главному» – ленинскому определению. Здесь же поднимались и другие важные проблемы: происхождения языка, его знаковая природа, язык и речь. Н. А. Кондрашов не принимал выдвигавшегося структуралистами тезиса о замкнутости системы языка, полагал, что такое понимание природы этого феномена может привести к “дегуманизации” языкознания», и в итоге лингвистика превратится «в своеобразную техническую дисциплину» [9, с. 44].

Раздел «Язык и мышление» трактовал непростые вопросы философии и лингвистики и по сути сталкивал две точки зрения – западную и советскую. По одну сторону были так называемые «менталисты» и «механисты», по другую – Ленин и его «царство мысли». Но и в таком ключе учёный не оставался наедине с идеологическими схемами. Он размышлял: «До сих пор не решён вопрос о том, идеально или материально сознание. Исследование мышления через посредство языка не даёт возможности решить эту проблему» [9, с. 50]. Здесь же обсуждались и другие важные проблемы: соотношение слова и понятия, взаимодействие языковых и логических категорий, что такое внутренняя речь. При

этом Н. А. Кондрашов не оставался только в рамках одного мировоззрения, а подбор цитат авторов (де Соссюр, Ленин, Есперсен, Сталин, Выготский и др.) говорил о том, что он обладал широким кругозором и способностью читать и обрабатывать большой поток аналитической информации.

Самый объёмный раздел этой части – «Внутренняя структура языка», под которой понимались фонология, грамматика и лексикология. Взаимодействие единиц этих уровней – различных структур, разложение и сложение элементов, их особенности и теории, на которых построены лингвистические концепции, – такие вопросы Н. А. Кондрашов решал в данном разделе. Заслуга в противопоставлении фонетики и фонологии в определении задач этих наук, по мнению Николая Андреевича, принадлежала Н. С. Трубецкому. В ключе данной проблемы снова подробно разбирались спорные моменты фонологической структуры, которые активно развивались со времени Пражского лингвистического кружка, описывались признаки фонем и типы фонологических оппозиций (по Н. С. Трубецкому)

[9, с. 64–68] и др. Отдельный фрагмент автор посвятил истории вопроса учения о фонеме [9, с. 73–77].

При описании теории грамматики Н. А. Кондрашов в основном придерживался традиционного объяснения системных связей, но всегда показывал разные подходы к трактовке, например, разграничения лексических и грамматических значений, говорил о неоднозначности учения о частях речи: одни шли за И. А. Бодуном де Куртенэ, другие – за А. А. Шахматовым [9, с. 82–83]. Деля обзор морфологических вопросов, Н. А. Кондрашов в который раз обращает внимание на достижения пражских лингвистов и как бы вместе с ними рассуждает: «Выделение семы В. Скаличка произвёл на основе морфологического значения. Казалось бы, что сему как значимую единицу следует противопоставить морфеме как формальной единице. Однако Скаличка занимает в этом вопросе уклончивую позицию ...» [9, с. 97].

И во второй части Н. А. Кондрашов проявил свой талант систематизатора взглядов, их умелого интерпретатора и критика. Перед глазами читателей проходили имена лингвистов разных школ и направлений: от Д. Н. Овсянико-Куликовского до М. Н. Петерсона, А. М. Пешковского, И. И. Мещанинова и В. В. Виноградова.

В заключение коснёмся последних разделов этой интересной книги. Мы заметили такую деталь: при изложении вопросов соотношения языка и культуры Н. А. Кондрашов дал объёмную цитату на полторы страницы из книги Э. Сепира «Язык», так резко контрастировавшей с представлениями советских социолингвистов, притягивавших всё к идейным формулировкам классиков марксизма-ленинизма. Здесь же автор не случайно вставил «сепирову» шпильку, в которой немало парадоксов, афоризмов и необычных трактовок обозначенной проблемы, например: «Не могу я признать и настоящей причинной зависимости между культурой и языком. Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [9, с. 128]; «И

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Общее языкознание (Курс лекций). Часть II. Проблемы языкознания и методы изучения языка» (Москва, 1974)

простые, и сложные языки, в их бесконечном множестве разновидностей, можно найти на любых уровнях культурного развития. Поскольку дело касается языковой формы, Платон шествует с македонским свинопасом, Конфуций – с охотящимся за черепами дикарём Ассама» [9, с. 129]; «Лингвист никогда не должен впадать в ошибку отождествления языка с его словарём» [9, с. 129]. Н. А. Кондрашов ценил яркие мысли, видел талант каждого учёного, кто не боялся идти вразрез со временем и его трафаретами. Э. Сепир – из числа таких самородков.

Вторая часть книги «Общее языкознание» более подвержена идеологии, но без такого компромисса выпустить полноценный учебник в 1970-х гг. едва ли было возможно. Думал ли так на самом деле автор? Конечно, нет. При известном консерватизме взглядов (напомним, Н. А. Кондрашов воспитывался как учёный в русле идей классической компаративистики и славистики) он был непокорным лингвистом, часто высказывал впрямую своё несогласие с теми или иными подходами к изучению языка и нередко, как бы мы сказали сейчас, «переходил на личности». Он видел языкознание сквозь паутину идеологии его времени.

Во всей книге, о чём бы ни говорил Николай Андреевич, обзор многих проблем соотнесён с идеями Пражского лингвистического кружка, который стал для него Меккой языковедческих идей и местом, где, безусловно, рождались истины. Он оставался верен славистическим ценностям до конца своей жизни и широко пропагандировал их даже в рамках стандартных учебников.

Любая книга имеет свою историю. Учебник профессора Н. А. Кондрашова – один из тех, которые продолжают филологическую биографию и в новом столетии. Сейчас столько «стандартных» пособий и имён, изобретающих очередные открытия, что пророческими кажутся слова Н. А. Кондрашова, высказанные в письме к курскому коллеге профессору А. Т. Хроленко в 1985 г.: «Что касается учебника, то сейчас

наступила тёмная пора. Никто об этом не думает, хотя предчувствую, что через некоторое время раздастся вопль – мы запустили работу над учебниками или что-то подобное» [24, с. 188]. Отрадно заметить, что упомянутый нами А. Т. Хроленко идёт в ряду тех самых «кондрашовцев», которые всегда ищут и находят новое в традиционном обществе языкознании. Таков, например, его курс «Введение в экофилологию» [23], объединяющий устойчивые знания по истории науки с актуальными вызовами современности. Об этой свободе выражения идей незабвенный Николай Андреевич мог только мечтать...

Но всё же и после двухтомного учебника Н. А. Кондрашова не утасал, продолжал разрабатывать новый курс [7] и практически во всех своих трудах говорил о необходимости углублённого изучения *истории языкознания* (см., например: [6; 7]) и *истории русского языка* (ср.: [13]). Через несколько лет, в 1979 г., он выпустил отдельную книгу «История лингвистических учений» [5]. Пробный шар МОПИ имени Н. К. Крупской (анализируемый нами учебник предназначался почти только для студентов этого вуза) получил успех и до сих пор востребован в педагогической практике.

Почему же мы заговорили о ретрофилологии и в связи с ней вспомнили книгу Н. А. Кондрашова «Общее языкознание»? Прежде всего потому, что архив лингвистики поучителен и ценен не только как исторический документ, уже «отыгравший» свою роль. Учебники тех времён были настоящим событием в вузовской практике. Их писали талантливые исследователи, годами, а может быть, и десятилетиями вынашивая свой план. Многие им приходилось менять по цензурным причинам, а что-то и вовсе утаивать от читателей. Такова была реальность 1970-х. Зато на лекциях Н. А. Кондрашов и близкие ему по духу учёные раскрывались особым образом: они не стояли неподвижно за кафедрой и не читали монотонным голосом по старым конспектам, а были ораторами на подмостках импровизированного театра, драматургами в истории своей жизни, спаянной с филологией, и подлинными,

без игры на публику, летописцами эпохи. Такими мы их запомнили. И, наверное, благодаря им до сих пор живём благодатной памятью к своим далёким, но близким учителям. Их книги теперь читаются и понимаются совсем по-другому. Значит, ретрофилология имеет свой голос и глубинный смысл. Без неё мы просто погрязнем в несчётном количестве безликих «пособий» таких же авторов-однодневок. Наш призыв – учиться у классиков – пусть вдохновляет и новое поколение студентов

и педагогов, всех тех, кто ещё не потерял стремления к знанию и веры в то, что оно не аскетично и не пафосно. Хочется надеяться, что и сейчас существует «бескорыстная интеллектуальная любознательность». Она – сердце истинной науки. Незабываемая книга Н. А. Кондрашова «Общее языкознание» – это учебник с живой душой яркого, обаятельного, влюблённого в свой предмет Филолога.

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
2. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. 495 с.
3. Кондрашов Н. А. Грамматическая концепция Вилема Матезиуса (к 100-летию со дня рождения) // Слово и словосочетание в структуре предложения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. С. 3–12.
4. [Кондрашов Н. А.] Изучение русского языка в Чехословакии за последние десять лет // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 152–155.
5. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
6. Кондрашов Н. А. О мерах по улучшению подготовки учителя-словесника // Лингвистический сборник. Выпуск III / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Типография ВВА имени Ю. А. Гагарина, 1975. С. 3–13.
7. Кондрашов Н. А. О постановке курса «История лингвистических учений» // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны. Лингвистический сборник. Выпуск 2 (часть первая) / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Типография ВВА имени Ю. А. Гагарина, 1973. С. 3–10.
8. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
9. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
10. Кондрашов Н. А., Хроленко А. Т. Общее языкознание // Программы педагогических институтов. Сборник 5 / отв. ред. Л. Ю. Максимов М.: Просвещение, 1985. С. 3–11.
11. Лоя Я. В. История лингвистических учений: Материалы к курсу лекций. М.: Высшая школа, 1968. 308 с.
12. Мещанинов И. И. Общее языкознание: К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1940. 260 с.
13. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. 47 с.
14. Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.
15. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
16. Никитин О. В. Василий Евдокимович Адодуров (к 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 104–110.
17. Общее языкознание: методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1973. 318 с.
18. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
19. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
20. Реформатский А. А. Введение в языковедение: пособие для учительских институтов. М.: Учпедгиз, 1947. 176 с.

21. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 160 с.
22. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
23. Хроленко А. Т. Введение в экофилологию: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 264 с.
24. Хроленко А. Т. История курской школы лингвофольклористики в письмах и документах. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2018. 198 с.
25. Шор Р. О., Чемоданов Н. С. Введение в языкознание / под общей ред. акад. И. И. Мещанинова. М.: Учпедгиз, 1945. 280 с.

REFERENCES

1. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2-kh ch. Ch. 1* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts: in 2 parts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 466 p.
2. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2-kh ch. Ch. 2* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts: in 2 parts. Part 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 495 p.
3. Kondrashov N. A. [The grammatical concept of Willem Matesius (to the 100th anniversary)]. In: Kondrashov N. A., chief ed. *Slovo i slovosochetanie v strukture predlozheniya: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The word and phrase in the sentence structure: interuniversity collection of scientific works]. Moscow, Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute Publ., 1981. pp. 3–12.
4. [Kondrashov N. A.] [The Study of the Russian language in Czechoslovakia over the past ten years]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Voprosy yazykoznaniya], 1956, no. 1, pp. 152–155.
5. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The history of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
6. Kondrashov N. A. [On measures to improve the training of a language teacher]. In: Kondrashov N. A., chief ed. *Lingvisticheskii sbornik. Vypusk III* [Linguistic collection. Issue III]. Moscow, Tipografiya VVA im Yu. A. Gagarina Publ., 1975. pp. 3–13.
7. Kondrashov N. A. [The setting of the course “History of linguistic studies”]. In: Kondrashov N. A., chief ed. *Materialy VIII konferentsii prepodavatelei russkogo yazyka pedagogicheskikh institutov Moskovskoi zony. Lingvisticheskii sbornik. Vypusk 2 (chast' pervaya)* [Materials of the VIII conference of Russian language teachers of pedagogical institutes of Moscow area. Linguistic collection. Issue 2 (part one)]. Moscow, Tipografiya VVA im Yu. A. Gagarina Publ., 1973. pp. 3–10.
8. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (Kurs lektsii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniya* [General linguistics: (Course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute Publ., 1972. 173 p.
9. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (Kurs lektsii). Ch. II. Problemy yazykoznaniya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (Course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute Publ., 1974. 171 p.
10. Kondrashov N. A., Khrolenko A. T. [General linguistics]. In: Maksimov L. Yu., chief ed. *Programmy pedagogicheskikh institutov. Sbornik 5* / [Programs of pedagogical institutes. Collection 5]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. pp. 3–11.
11. Loya Ya. V. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii: Materialy k kursu lektsii* [History of linguistics: proceedings of the lectures]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 308 p.
12. Meshchaninov I. I. *Obshchee yazykoznanie: K probleme stadial'nosti v razvitii slova i predlozheniya* [General linguistics: the problem of stages in the development of words and sentences]. Leningrad, Uchpedgiz Leningrad office Publ., 1940. 260 p.
13. Nikitin O. V. *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Business writing in the history of the Russian language (11–18 centuries): abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2004. 47 p.
14. Nikitin O. V. [The Moscow dialectological Commission in the memoirs of D. V. Ushakov, N. T. Durnovo and A. M. Selishchev (unknown pages of history of the Moscow linguistic school)]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2002, no. 1, pp. 91–102.
15. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. A. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at school], 2019, no. 5, pp. 81–89.
16. Nikitin O. V. [Vasily Evdokimovich Adodurov (to the 300th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole*

- [Russian Language at school], 2009, no. 5, pp. 104–110.
17. Serebrennikov B. A., chief. ed. *Obshchee yazykoznanie: metody lingvisticheskikh issledovaniy* [General linguistics: methods of linguistic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 318 p.
 18. Polivanov E. D. *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu* [Articles on General linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 376 p.
 19. Kondrashov N. A., ed., comp. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 559 p.
 20. Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1947. 176 p.
 21. Tomsen V. *Istoriya yazykovedeniya do kontsa XIX veka* [History of linguistics until the late nineteenth century]. Moscow, Narkompros RSFSR Publ., 1938. 160 p.
 22. Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [The basics of phonology]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury Publ., 1960. 372 p.
 23. Khrolenko A. T. *Vvedenie v ekofilologiyu* [Introduction to ecophilology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 264 p.
 24. Khrolenko A. T. *Istoriya kurskoi shkoly lingvofol'kloristiki v pis'makh i dokumentakh* [The history of the Kursk school of linguistic folkloristics in letters and documents]. Kursk, Kursk State University, 2018. 198 p.
 25. Shor R. O., Chemodanov N. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1945. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian and General Linguistics, Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian, Petrozavodsk State University; honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Незабываемая книга Н. А. Кондрашова «Общее языкознание» (об актуальности ретрофилологии XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 121–137.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-121-137

FOR CITATION

Nikitin O. V. The unforgettable book by N. Kondrashov “General linguistics” (the relevance of retrophilology of the XXth century). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 121–137.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-121-137